

Но Орсини и бровью не повел.

— Я уйду, но после того, как заберу Канну Эдис.

— Неужели ты меня не понял?

После слов Божества Орсини холодно высмеял.

— Божество даже не понимает на слух речь. Вы так стары, что у вас загноились уши?

— Что за наглость по отношению к Божеству!

Оскорбление Божества считалось самым тяжким богохульством.

— Да, неплохо было бы подарить Александру голову его сына.

Божество равнодушно пробормотало.

— Перережьте горло Орсини Эдис. И пошлите его голову герцогу Эдис.

Забавно. Канна безучастно наблюдала за сценой.

В этот момент почему-то казалось, что она обязана выкрикнуть «прекратите», однако не стала. У нее и в мыслях подобного не было.

Умрет Орсини или нет. Значит, такова судьба этого щенка. Она вправду так думала.

Изначально она решила здесь остаться. Она не желала просить о помощи. О на этого не хотела.

'Если он даже умрет, это не имеет ко мне никакого отношения'.

Всего доброго, Орсини. Она про себя с ним попрощалась и отвернула голову.

Но в следующий момент Канна осознала, что всецело заблуждалась.

— Тц. Не думал, что сын Александра...

Божество цокнуло языком.

Но она примерно ожидала подобную интонацию. В мгновение ока судебные приставы, схватившие Орсини, упали ничком.

И в следующий момент появился как пуля Орсини. Но Канна это поняла после того, как он ее схватил.

— Ах!

Он слишком быстро шел. Канна не была готова придерживаться такого темпа.

Раздался грубый крик из согнутой шеи.

— Ты дурак? Может, еще крепче станешь держать?

Негодование было слышно сбоку от уха. Мгновенно нахлынул жар.

— Кого ты вообще спасаешь? Так что перестань!

Она говорила искренне, но Орсини даже не ответил и не выразил своего негодования.

— Оставь меня! Я останусь в храме!

— Заткнись и не рыпайся, засранка.

— Отпусти меня, брось!

В момент, когда раздался крик, она схватилась за его волосы.

Меч Орсини сталкивается с мечом появившегося судебного пристава и разрубает тело человека пополам.

На мгновение Канна, у которой бешено колотилось сердце, прикусила губы. Она больше не могла ничего видеть и уткнулась в его плечо.

И ослабла хватку.

'Да уже все равно. Делай как душе угодно'.

— Я буду ждать тебя, Канна!

Неожиданно, но Божество так и не появилось. Пока Орсини нес Канну и бежал, оно очень громко попрощалось.

— Я с нетерпением буду ждать, Канна!

— Теперь можно перевести дух!

Сколько прошло времени?

Орсини удалось выбраться из этого безумного побега от храма и покинуть поле битвы. И убежать глубоко в лес.

Только тогда он впервые остановился.

— Отпусти.

Орсини опустил Канну.

Канна не могла стоять и тяжело села на землю.

Какое-то время ее тело трясло. Голова кружилась. И подступала рвота.

— Ты в порядке?

— На твой взгляд, я в порядке?

Канна свирепо раскрыла глаза и на него уставилась.

Если честно, вид Орсини был не лучше.

Потому что на нем была кровь.

Большая часть принадлежала крови другим, но оставшееся было перемешано с его.

Она видела, как судебный пристав ранил мечом спину Орсини.

— Что ты сделал?

— Что?

— Я даже не просила о помощи, но зачем ты меня спас?

В тот же миг лицо Орсини окаменело. Встав на колени, он столкнулся со взглядом Канны.

— Эй, ты, психованная девка. Почему нельзя сказать спасибо? Че ты вообще несешь?

— Тогда ты просто хотел услышать слова благодарности?

Канна посмотрела ему прямо в глаза. И холодно рассмеялась.

— Ты думал, что я поблагодарю тебя?

Она не сказала ни слова о помощи. Но, получив при побеге травму, он решил ее спасти.

Не кто иной, как Орсини.

Почему? Зачем?

— Не делай бесполезных вещей, Орсини. Потому что это противно.

Орсини терпеливо стискивал зубы. Внутри бушевали презрение, стыд и гнев, а веки дрожали.

Даже когда мужчину ранили мечом, его выражение лица было бесстрастным, но от хладнокровных слов Канны он пребывал в растерянности.

— Я не хотела убегать. Я думала остаться в храме. Ты знаешь, что видел Божество? Я...

Канна на миг остановилась, а затем резко выдала.

— Я не дочь семьи Эдис.

После этих слов теперь она окончательно в этом уверена.

Александр Эдис.

Между ними нет никаких кровных уз.

В секретной комнате отца. Канна указала на портрет Божества и спросила, родитель ли тот человек.

— Если ты думаешь, что это так, то пусть так и будет.

Канна, прекрасно знающая манеру речи и поведение Александра, осознала, что его слова правдивы.

В то время она спросила, мать ли ее этот человек. Она так думала, но, как видимо, это ее отец.

Очевидно, Александр знал, что Канна ошибается. Он четко знал, однако не оставил эту тему в стороне. И обвел вокруг пальца.

Насколько это было забавным?

Канна свирепо рассмеялась. Странно, но поток смеха продолжал слетать с его уст.

Она не знала, какие слова Божества правдивы, а какие были гнусной ложью.

Единственное, в чем можно быть уверенным.

— Александр Эдис мне не отец.

И это правда.

—Орсини, мы также не брат с сестрой. Во мне не течет ни капли крови семьи Эдис.

‘Но почему же я выросла как дочь этой семьи?’

Быть может, правда в том, что Александр ее похитил и взял на воспитание, что он ненавидел Сон Хи.

Это звучит правдоподобно, да?

Тем временем, она испытывала мучения и страдания, будто ее насильно пытали в поместье Эдис. Возможно, он вымещал всю затаившуюся к Сон Хи злобу на ней.

В тот момент.

На тыльной стороне руки пробежало ощущение холода.

Началось. Капли дождя падали одна за другой и с каждой минутой их становилось все больше. Тело Канны сразу промокло от дождя.

Это самое ужасное.

Самое прискорбное.

— Так что я не пойду. Отправляйся один.

— ...Куда ты собираешься?

— Это не то, что тебе следует знать.

Не знаю. Правда не знаю.

Еще не уверена, куда хочу пойти и чем заниматься.

Капли дождя стекали по щекам Орсини. Кровь постепенно смывалась.

Тогда он разомкнул губы.

— Не хочу.

По неизвестной причине у Канны было предчувствие, что именно эти слова и слетят с его уст.

Слова, что ему не по душе ее предложение.

Она не думала, что он просто так ее отпустит.

Стало быть, он, прикладывая все усилия, вытащил ее из храма.

Сильная рука крепко ее держала, будто охраняла несметное сокровище от стремительного удара меча. Но, когда она осознала эти ощущения, подступило чувство тошноты.

— Мерзкий ублюдок.

— Да трещи своим языком, что хочешь.

Он, подняв уголки рта, засмеялся и перевернулся.

Смеется?

— Не смейся.

Она подняла ногу и придавала его бедро. Оно было очень твердым, как камень, и она очень грубо нажала на него туфлей.

— Не смейся, Орсини.

Канна небрежно схватила его острый подбородок.

— Я ненавижу твой смех.

Ненависть неистово росла и бурлила.

Она хотела причинить боль. Хотела оборвать этот излишний смех. И Канна быстро сообразила, как это сделать.

— Ты правда хочешь моего прощения?

В этот момент она схватила подбородок Орсини и сильно зажала между указательным и большим пальцем.

Канна свирепо рассмеялась.

Это поистине мерзкая надежда. Правда.

— Бесстыдное дитя.

Еще, еще, еще.

Она хочет причинить боль.

Невозможно забыть страдания.

Она желала причинить ответную боль даже спустя десять лет, даже если бы прошло больше времени.

— Тогда лучше умереть.

И это было столько смешно, сколько и легко.

— Пожалуй? Если бы ты умер, спасая меня, я бы немного погоревала.

Хватило бы и пары слов.

Боль, отражающаяся в глазах Орсини, вызывала у Канны жестокое удовольствие.

Это было так легко и намного проще, чем вывернуть запястье ребенку.

— Что ж, если представится следующий шанс, то просто умри.

Канна вырвала из рук его подбородок. Она отступила и повернулась спиной.

Она не знала, где сейчас находится, но думала куда-то пойти. В любое место, где нет Эдис.

— Эй.

Но он схватил Канну за плечо и развернул.

— Сохраняй спокойствие и слушай меня.

Орсини убеждал ее спокойным голосом. Он ясно видел в глазах Канны, что та пыталась успокоиться.

— Я пойду с тобой.

— Что?

— Одной опасно.

Канна не выдержала и рассмеялась.

Опасно? Из-за рта Орсини слышались слова беспокойства?

— Это ты представляешь большую для меня опасность. Ты что? Разве не знаешь, что мне не по душе, если меня схватят за горло и ударят?

— Тогда.

Раздался голос Орсини. Даже посреди проливного дождя она ясно видела его волнение.

— Тогда я...

— Закрой пасть.

Канна очень холодно обрубилa его слова.

— Я не желаю ничего слышать. Чтобы это ни было. Вообще ничего.

— Канна.

— Не называй меня по имени!

Когда она закричала, будто сошла с ума. Губы Орсини плотно сжались.

— Лучше называй меня отбросом. Свирепствуй и веди себя жестоко, как и прежде.

Чем больше она говорила, тем сильнее раскалывалась маска. Истинная сущность обнажилась. И это лицо было окрашено гневом и ненавистью.

— Я для тебя всегда должна остаться мусором. Не смей пытаться изменить отношение.

На лице Орсини промелькнул отчетливый отказ. Это превращалось в издевку.

— Да, ненавижу столько душе угодно. Говори, что хочешь, но ты не можешь идти одна.

— Мне нужно спрашивать твое разрешение?

— Даже если тебя это не беспокоит, там опасно.

В одно мгновение нахлынул жар. Ее глаза пылали гневом.

Орсини посмел беспокоиться? Посмел!

— Миссис.

Тогда раздался очень нежный и мягкий голос.

Канна повернула голову. И усомнилась в своих глазах.

Посреди проливного дождя стоял священник в темном одеянии.

Он приглаживал свои мокрые волосы. Капля воды, стекавшая по лицу, упала с подбородка.

— ...Рафаэль?

Когда Канна его увидела посреди дождя, почему-то его голова ослепительно сияла белым цветом. Ее сердце, охваченное пламенем, остыло. И от огня остался лишь пепел. Она пребывала в растерянности.

— Вам нужна помощь?

Он глубоким взглядом смотрел на хватку Орсини. Рука держала Канну за плечо, будто не желала ее отпустить.

Словно Орсини был одержим.

— Если нужна, то прикажите. Я все беспрекословно исполню.

<http://tl.rulate.ru/book/46467/1487984>